

332801

К

Какимбек
Салыков
Сборные
дни

Какимбек
Саликов
Доброе
дни

стихи
поэмы

Перевод с казахского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1981

84 Kaz 7

С (Каз) 2

С 16

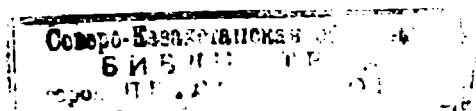
Какимбек Салыков — известный казахский поэт. Его книги переводились на русский язык и другие языки народов СССР. Творческое воображение поэта постоянно вдохновляется героическими ратными и трудовыми подвигами советских людей. Его стихам, посвященным прошлому и нынешним дням родной земли, присуще высокое романтическое звучание.

Художник

Наталья Фадеева

С $\frac{70403-231}{083(02)-81}$ 369—81. 4702030200

© Перевод на русский язык
Издательство «Советский писатель».
1981 г.

332801

СТИХИ

* * *

Как не гордиться мне судьбою,
Которой незнаком покой:
Горняк — я целый день в забое,
Поэт — я ночью над строкой.

В труде двойном
Я откровенен
И был, и есть, и буду впредь.
Я потерял отца, но Ленин
Не дал мальцу осиротеть.

Он мне на творчество, на дали
И на руду открыл глаза.
Навек мы ленинцами стали —
И сам я, и мои друзья.

КОСМОНАВТЫ И ШАХТЕРЫ

Степь вздрогнула: космической тропею
Ушла ракета в небо голубое —
И ветер байконурский долетел
К шахтерам в джезказганские заборы.

А вскоре ветер из глубин планеты
Над тем из городов взметнулся к свету,
Где улица Шахтеров пролегла
За улицею Космонавтов следом.

Знать, связаны эпохою одною,
Единым ритмом, общею судьбою
Ракеты космонавтов — над землей
И горняков комбайны — под землею.

Корабль моих стихов, в тебе просторы
Двух гордых улиц — и тебе ль не впору
Домчать по трассам глубей и высот
К сердцам и космонавтов, и шахтеров?

БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ

Вон ожерельем на груди у тучи
Подрагивает стая журавлей.
Все дальше их ведет простор,
Все круче
Под взглядами оставленных друзей.

Но, может, это лилий вереница,
А не ковыльной масти журавли?
Быть может, аульчанки, а не птицы
Скользят, белея, в голубой дали?

Прощаются со степью с неохотой,
Спешат, спешат — как будто не спеша.
И с завистью за светлым их полетом
Следит моя тревожная душа.

ГОРИЗОНТ 251-й

О, Родины доверие и честь —
Медь добывать из глубей
Планомерно!
Я знаю, в шахтах Джезказгана есть
Горизонт 251-й.

Но от одной к другой победе нить
Идет сквозь времена — и оттого-то
Спешит мне Дубосеково открыть
Свои глубины и свои высоты.

И с чувствами не сладить в этот миг,
И вновь напряжены сегодня нервы.
Здесь памятник судьбой своей достиг
Высоты 251-й.

Над ним — скольжение легких облаков,
Вокруг него — косых теней скольжение.
Здесь что ни утро — политрук Клочков
Ведет бойцов в бессмертное сражение.

«Легендою им жить в родном краю», —
Лишь эту мысль мне поверяют дали.
В бойцах я казахстанцев узнаю
Тех, что рассвет от мрака отстояли.

Влюбленный в горы и в размах степей,
В Москве я тоже не в гостях, а дома.
Мне все высоты Родины моей,
Как горизонты шахтные, знакомы.

Здесь, в Дубосекове, порой бывлой
Столкнулся враг с отвагою безмерной.
А нужно будет — я приму свой бой
И высоту найду свою,
Как свой
Горизонт 251-й.

ИСТИНА

Я жил,
Ко многим судьбам прикасаясь.
И у беспечной юности в плену
Немало повидал степных красавиц,
А разглядеть сумел всего одну.

Я и теперь их взглядами тревожу.
Но думаю при этом:
В светлый миг
Пусть сыну моему удастся тоже
Навеки встретить лучшую из них.

ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

Вновь слышу:
Крылья с характерным звуком
В движение приводятся опять,
Хоть мельница не так муку, как муку
В войну была горазда поставлять.

И все же, все же
Вам мое признание,
Ветряк и дни мальчишеские те:
Дочь мельника вошла в мое сознание
Понятием о высшей красоте.

Я не забыл, как ждал ее часами,
Готовый ждать неделю, месяц, год.
Я помню тот — над дерзкими глазами —
Густых бровей волнующий разлет.

Меня манила подойти поближе
Она — как будто чудо наяву.
Бывало, день-другой ее не вижу —
И чувствую, что попусту живу.

И замечаю: становлюсь я тише,
Скромней в делах, щедрее на слова...
Крутился я у мельницы — и слышал,
Как в мельнице крутились жернова.

Я помню, в год Победы наемкнула
Мне мать:
«Бывали хуже времена,
Но лишь теперь болтают по аулу,
Что ты не зря торчишь там дотемна!»

И, придавая вескость разговору,
Держалась хмуро несколько минут.
Я знал, что даже горсть муки
В ту пору
Нигде и на за что не продадут.

А к мельнику ребята поневоле
Тогда ходили
Батракам под стать:
Коров пойли и дрова кололи,
Чтоб хоть немного хлеба пожевать...

Но не за тем бродил я в одиночку
У мельницы в далекие года.
...Вот так я, мама,
Мельникову дочку
Был вынужден оставить навсегда.

Но слышу вновь
Степного ветра голос,
Вновь дни войны считаю в забытых
У мельницы,
Где все перемололось:
Зерно и те страдания мои.

* * *

Разлуки. Горести. Тревоги.
Но навсегда,
Но до конца
Мостами связаны дороги,
Мостами связаны сердца.

Мосты построив через реки
Во всех краях родной земли,
Мы между странами навеки
Мосты доверья навели.

Сибирь с годами станет краше.
А все ж и он, и я, и ты
Завидуем потомкам нашим —
Их к небу выведут мосты.

А в дни, когда пылали дали,
В незабываемые дни
Мы за собой мосты взрывали —
И вот опять стоят они.

Темнеют днем,
В ночи мерцают
Как наши верные друзья.
И лишь мосты между сердцами
Восстановить подчас нельзя...

* * *

Считать ли двойственностью это?
А может, побеждая страх,
Быть горняком и быть поэтом —
Как вдаль лететь на двух крылах.

На двух крылах,
Что так несхожи,
Но неразлучны навсегда.
Я сам не знаю, что дороже
Душе — строка или руда.

НЕ ТОСКУИ

Своею собственной судьбою
Распорядись наверняка
Да так, мой друг,
Чтобы тобою
Не управляла бы тоска.

Смотри в себя во имя дали,
Вперед стреми мечты свои
И заводь будничной печали
В душе устало не таи.

Гляди влюбленно на влюбленных,
Ликуй и не считай минут:
В садах, весною обновленных,
Все птицы радостней поют.

И пусть порой твои сомненья
Вступают в прежние права...
Есть слез нескорые мгновенья,
И есть мгновенья торжества.

* * *

Навек своей весной согретый,
Я не кошусь по сторонам:
Ведь в это лето — в наше лето —
Всего-то лишь за сорок нам.

Но и сквозь время,
И сквозь дали
Мы шествуем не в забыти —
И нынче матерями стали
Все одноклассницы твои.

В чужой весне не стану тенью
Бродить, тая свои года:
Ведь к своему я поколению
Судьбой причислен навсегда.

ВОСЬМИСТИШЕ

Нахлынут вдруг воспоминанья —
И вижу, вижу вновь и вновь,
С каким открытым ликованием
Отвергла ты мою любовь.

Но одолевшему напасти
Отмщение не теснит мне грудь.
Да, я страдал —
И встретил счастье.
А ты забудь меня, забудь...

* * *

Как будто вечность стерегу я
На этой площади пустой:
Смотрю на статую нагую,
Любуюсь мраморной красой.

Желтеют листья. В ряби лужи.
Холодный ветер гнет кусты.
Способны ли себя от стужи
Спасти прекрасные черты?

А мне за миг, летящий чудно,
Спасибо говорить кому?
Стою. Смотрю. Иду.
Как трудно шагать отсюда одному!

НАШЕ ЯБЛОКО

Оно похоже на земное чудо.
Но я, пойми меня ты,
В этот миг
Единственное яблоко не буду
Делить с тобою честно — на двоих.

На все вопросы промолчу упрямо,
Как будто раздражен или устал.
Про Еву помню я и про Адама
И не хочу устраивать скандал.

Не верю я в библейское ученье,
Хотя с его легендами знаком.
Чтоб избежать былого осложненья,
Съешь яблоко, родная, целиком.

ЗАКОНЫ СТЕПЕЙ

Конь не вступает в состязанье с клячей:
Коню над ней победа ни к чему...
Конь во всю прыть
Тогда лишь только скачет,
Когда в байге есть равные ему!

И пусть их, будничных призов возжаждав,
Храпят простые кони, горячась, —
Есть тот скакун,

Что к скачке самой важной,
Не торопясь, готовится сейчас!

От века — вниз стремительно и круто
Орла бросает на добычу высь.
И пусть лиса хвостом метет и крутит,
Пусть верит в то, что удалось спастись.

Пусть...
Хищник камнем пал к седой равнине —
И вот почти касаются степей
Того орла пуховые штанины...
Хвост явно не спасает от когтей!

Не зря мечтал я, с детства видя это,
Быть и орлу, и скакуну под стать.
Сурова степь.
И чтобы стать поэтом,
Ее законы надо понимать.

АБАЮ

Тех слов и мыслей сплав чудесный —
Но в нем ли твой душевный пыл?
Своим полетом в поднебесье
Ты и потомков окрылил.

Степную песнь заставил слогом
Коснуться гордой высоты.
Я знаю, нет над нами бога,
Но есть поэзия и ты!

ГОРА ОКЖЕТПЕС

Мой Кокчетав, одетый в зелень леса,
Являет чудо гор среди степей.
Там я пред красотою Окжетпеса
Робею, как робел перед твоей.

Там озеро с горой идут сквозь годы:
Ведь друг без друга им никак нельзя.
Гора себя в озерных видит водах —
Не так ли я глядел в твои глаза?

Там солнце торжествует над округой,
Там озеру гора дарует сень.
Не так же ли тянулись мы друг к другу
На свадьбе нашей в сокроенный день?

Глядят на танец трепетных березок
Все восемьдесят трепетных озер.
Там вижу я себя и до сих пор
В кругу твоих подруг звонкоголосых.

На свете горы существуют разные,
Немало среди них крутых вершин

На всех материках и в той же Азии...
Но кокчетавский Окжетпес — один!

ЛЕНИНГРАД

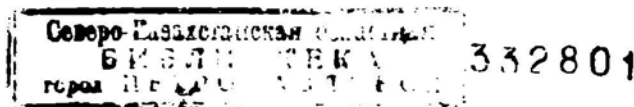
Не знаю в мире города чудесней:
Нева, величье каждого моста,
Адмиралтейство, памятники — песни
Вместились здесь в понятие «красота».

Здесь и музеев, и дворцов немало.
И Медный всадник здесь —
Невдалеке.
Здесь вечен у Финляндского вокзала
Ильич, стоящий на броневике.

Здесь прошлое
Моим открыто взорам.
Здесь даль любая с детства дорога.
И вот смотрю я с палубы «Авроры»,
Как ударяют волны в берега.

Смотрю на памятники и строенья,
Вон Пушкин
С чуть откинутой рукой —
Как будто он в порыве вдохновенья
Задел царя крамольною строкой.

Я выхожу на оживленный Невский.
И чудится при этом в свой черед:

Вон там, передо мною, Достоевский
С Чоканом Валихановым¹ идет.

Идет, где камень — откровенья ради —
Обрел язык под действием резца.
Друзья мои!
Кто не был в Ленинграде,
Тот знает наш народ не до конца!

Наш Ленинград. Жестокая блокада.
Мне виден дым
Сквозь ливни и снега
И Шостакович, с мужеством солдата
Симфонию поднявший на врага.

Видны мне те голодные поэты,
Что здесь творили, мужеством дыша.
Прочти стихи Берггольд —
Каким же светом
Бывает переполнена душа!

Я вижу казахстанские аулы:
Ведь не без них же длились здесь бои!
Я слышу оклик нашего Джамбула:
«Ленинградцы, дети мои!»

Блокада...
Здесь, у плит мемориала,
В былое нас мелодия ввела.
Там бледная девчушка написала:
«Брат умер. Мама тоже умерла».

¹ Чокан Валиханов — казахский ученый и просветитель, друживший с Достоевским.

И фразы эти я вбираю свято,
Слезами продолжает их жена:
Погибшего под Ленинградом брата
На Пискаревском вспомнила она.

Да, в день любой и час под этим небом
Посланцы всех народов сведены.
Друзья мои!
Кто в Ленинграде не был,
Тот не постиг величья всей страны.

В БУДАПЕШТЕ

1

Мосты, мосты, мосты повсюду.
А под мостами в плеске вод,
Как бы сближая Пешт и Буду,
Дунай задумчиво течет.

Как две влюбленные натуры,
Чья встреча — встреча на всю жизнь,
Скульптура и архитектура
Здесь так естественно слились.

На Будапеште ожерелье
Литья и камня всех эпох.
Слились здесь лира со свирелью,
Как в песне — музыка и слог.

Здесь новое открыто взору
И старина.
А статуй тут —
Как будто по степным озерам
Неспешно лебеди плывут!

А там над Геллерт над горою
Под тучи обелиск прямой
Взметнулся в память о героях,
Что не пришли с войны домой.

Гора и монумент недаром
Едины в скорбной тишине...
И с благодарностью к мадьярам
Напев рождается во мне.

А им и невдомек по сути,
С чего я — словно бы суров.
«Пусть не воюют больше люди!» —
Вот смысл тех музыки и слов.

2

Доныне мной не позабыто это:
Я, миновав гостиничный фасад,
По Будапешту
Следом за рассветом
Шагал, как говорится, наугад.

Строения разглядывал неспешно
И все, что попадалось на пути.
Вот памятник скульптурный:
Группа пеших,
А перед нею на конях — вожди.

Мемориал на площади Свободы...
А дальше улица открылась мне,
Легла передо мною и восходом
В нарядности своей и новизне.

Лес у дороги — как людские массы,
Идущие вперед плечо к плечу.
А перед лесом памятник вздымался
Ведущему народы Ильичу.

Ведущему их к радости, к надежде
Под небом беспредельной синевы.
И мне казалось, что по Будапешту
В то утро дошагал я до Москвы.

ЖУСАНГУЛЬ

Я мальчишкой во всех побывал передрягах,
На войну
Проводив в сорок первом отца.
Отгремели грома над далеким рейхстагом —
Я науку сиротства прошел до конца.

Я держался и жил, потому что солдату
В миг кончины
Припомнился хрупкий сынок.
Хоть отцовские очи потухли когда-то,
Сохранил я сигарки его огонек.

Рано сам приступил к настоящему делу,
Рано понял — ведет против ветра судьба.
В очаге нашем пламя плясало и пело,
И над крышею нашей дымила труба.

Крутость первых дорог не забыть и поныне.
Ну, а разве же, мама, забыть я смогу
Твой уход навсегда?..
Словно кустик полыни
Вырос я на родном горьковатом лугу.

Жусангуль затмевают тюльпаны да розы.
Но державшийся, хоть подступала беда,
Но познавший степные жару и морозы
Запах твой, жусангуль, сохранит навсегда.

Звезд с небес
До сих пор не хватал я в гордыне,
С Байконура не мчался я за облака.
Ну, так пусть хоть живым ароматом полыни
Отдает в моих песнях любая строка!

В РОДНОМ АУЛЕ

1

Все здесь освещено добром:
И обращенья, и слова, и взгляд,
И жесты.

Мне молодые уступают место,
И старики с почтением глядят.
Одаривают щедрой похвалой
За те стихи, что я прочел
в застолье,
А я благодарю друзей тем
более
За хлеб и соль, за кров
над головой.
За целину. Не всех я узнаю,
Хотя сегодня в сборе все
соседи.
Все меньше тех, кто шел
в одном строю
С моим отцом — через
войну — к Победе.
Все тянутся с расспросами
ко мне —
О жизни и столице,
о планете.
А я от них самих прошу
ответов —
О людях, о зерне, о целине
Колхозы тут слились в одно
село,
Которое уже, наверно, скоро
Собой напомним
современный город,
Где свет и газ, где чисто
и тепло.
Давно здесь не был
право же, давно.

И хоть ни в чем себя
 не упрекаю,
Скажу, что не сладка судьба
 такая —
Знать о судьбе тебе
 родного края
Лишь из газет, из писем,
 из кино.

2

И вот теперь, собравшись
у стола,
Вопросами себя опережаем
И говорим о хлебном
урожае,
О целине, о будущем села.
О том, что есть, чего пока
что нет,
О том, что будет в новой
пятилетке,
О том, что, мол, встречаемся
мы редко..
И я спросил у друга про
соседку,
Которую запомнил с малых
лет.
Была стройна девчонка
и смугла...
— Она теперь под
Кокчетавом где-то.
Семья — большая. Счастлива,
согрета.
Мать-героиня: ровно десять
деток,

Все сыновья. Такие-то дела...
Все — так. Не мог неволить — не могу.
Мне от девчонки ничего не надо.
И ей со мною встреча — не награда.
А все же вижу из степного стада
Когда-то убежавшую сайгу.
В родном краю, среди милых земляков —
Живой источник всех моих стихов.

* * *

В траву степную легкий след впечатав,
Бегут сайгаки, расплескав росу.
И, как грибы, — за ними сайгачата
Рассыпались вдоль речки Сары-Су¹,

Степь ожила от топота сплошного.
Вдали тянулась гор казахских цепь...
А осенью ушли сайгаки снова,
Оставив исцелованную степь.

¹ Сары - Су — река близ Джезказгана.

* * *

Я — за весомость слова. За весомость!
Вот вдумчивый поэзии черты.
Я знаю: в легкомыслии веселом
Сокрыта невесомость пустоты.

Цена стихов не в вычурной находке,
А в весе мысли, в думах о земле...
Плыть по течению можно и на лодке,
Но против бури — лишь на корабле.

* * *

Теплом весны повеяло-подуло.
Но лед блестит, не уступив весне.
Березки, как девчата из аула,
Столпились и судачат обо мне.

«Женился! Выбрал в жены городскую!» —
Все шепчет осуждающе одна.
А мне отраднo. И душа ликует,
Что все же помнит обо мне она.

* * *

Не шевельнусь. Хотя глаза открыты.
Ревет будильник долго и натужно.
Уехала ты словно лишь вчера.
А мне уже сегодня слышать нужно:
«Вставай!» И нежным шепотом: «Пора!»

Я так привык к тебе за четверть века!..
И утром одинок я до отчаянья.
И не заменит мне тебя никто.
Все вижу, как под милое ворчанье
Застегиваешь ты на мне пальто.

ПАРАДОКС

На берегу реки по пояс травы.
Ты вспоминаешь детские забавы,
Вкус меда... Я ж хочу, чтоб, как вчера,
Меня опять ужалила пчела.

Аул. Душистый чай у самовара.
Сам самовар на белых крыльях пара.
Чай подает мне женская рука...
А мне б глоток воды из родника.

Не тронь мелодии родные,
«Не пой, красавица, при мне...».
Итак, я болен ностальгией
По той, аульской стороне.
Итак, грущу сыновним взором
О глади лебединых вод,
Где юрты водят по озерам
Свой неподвижный хоровод.

Итак, грущу по колыханью —
По зелени — ковыльных трав...
Итак, дышу — в свое дыханье
Всех птичьих песен не вобрав.
И запахом кумыса свежим
Я не наполнил грудь свою,
И смех женгей¹ не слышен нежный,
Смех, что звучит в родном краю.

Не довелось следить мне взглядом,
Как летом, в утреннюю рань,
С оглядкой пробежала рядом
Медносверкающая лань.

Осталось лишь воспоминанье,
Лишь только вспоминать дано,
Как я за той бегущей ланью
Когда-то наблюдал давно...

Не тронь мелодии родные,
«Не пой, красавица, при мне...».
Итак, я болен ностальгией

¹ Женгей — жена старшего брата, благосклонная к младшим.

По той, аульской стороне.
Не пой, красавица, а смолкни
И тишиною увлеку...
Избавь меня хоть ненадолго
От ностальгической тоски.

* * *

Улетела лебедь белая в далекие края.
Птица самая красивая. Любимая моя.
До зимы еще не скоро Осень — рядом, наяву.
Почему ж я так упрямо все весну к себе зову?

Сиротливые озера ждут прилета белых птиц.
Млечный Путь в туманной дымке, не найдешь его
Где ты, где ты — лебедь белая? Где укрылась ты границ.
зимой?

Мои чувства следом тянутся, огибая шар земной.
Знаю, что в краю ненашенском белой лебеди — скучней.
Я хочу быть вместе с лебедью, я хочу быть рядом с ней.
Вот уже зима обрушилась. Белый снег поверх гнезда,
Словно это лебедь белая возвратилась навсегда.

* * *

Извечно к солнцу тянется подсолнух.
Ему светлее солнца — света нет.
А для сердец восторженно влюбленных
Куда как лучше — лунный полусвет.

В миг откровенья каждый лишний — лишний.
При свете солнца — шепот оборви.
А ночью — шепот преданный сподвижник
И покровитель таинства любви.

РАННЯЯ СИРЕНЬ

Сирень цветет — и ранние цветы
Опять сияют, прошлое тревожа:
Сирень. И разговор до темноты.
И ты сама с сиренью этой схожа.

Мои букеты — не хватало рук
Тебе обнять сиреневое пламя.
...Куда-то сын заторопился вдруг,
Легко шагая длинными ногами.

УСЛОВИЯ БАЙГИ

Если счастье выпадет в пути,
Среди первых я достигну цели.
Если обгоню тебя — прости.
Взгляд потупь,
Коль сила на пределе.

Как же дни стремительно бегут!
Но всегда я помнил о вершинах.
Первой же байги победный гуд
Отозвался в напряженных жилах.

Жизнь идет — сложней за кругом круг.
Кто оценит бег во имя бега?
Не перед соперником испуг —
Вовремя постичь бы суть победы.

Муза,
Вот перед тобой я весь:
Нас в пути соединил не случай.
Честностью мой труд уравновесь
И мое дыхание послушай.

Первенство не делится, пойми.
На полприза претендентов нету.
Главное условие байги —
Это вера в полную победу.

НОВОМУ ГОДУ

Юбилейный год
Прошел на славу.
Грянул Новый — громче и сильнее.
Духом Конституции по праву
Он напомнил гул грядущих дней.

Юный год шагает по Отчизне.
Я веду на ЭВМ расчет,
И встают высоты коммунизма,
Родины подъямля небосвод.

Мне подвластно бурных рек ворчанье,
Прикажу — и сдвинут глыбы скал.
Вот к Амуру
Через расстоянья
Руку дружбы протянул Байкал.

Новый год!
Тебя я песней встречу,
По-казахски поведу рассказ.
Загорятся праздничные свечи,
Отражая искры наших глаз.

Новый год,
С тобою вместе будем
Юбилея множить торжества.
Начинаю счет я новым будням,
Засучив повыше рукава.

* * *

Апрель на пороге, апрель,
И пастбище дышит свободой.
Отринув ледовый запрет,
Взбухают и земли, и воды.

Веселых ягнят беготня,
И хмель молодого кумыса.
И трель соловья — для меня
Все полно особого смысла.

Апрель на пороге — и вновь
Гул эха над бездной обрыва.
И я возглашаю любовь —
Ведь это ты ею красива!

ЕСТЬ ХЛЕБ

Есть хлеб — будет и песня.

Л. И. Брежнев

На честный труд
Даруя нам права,
Касаются земли и поднебесья
Высокого значения слова:
«Есть хлеб — будет и песня».

За годом год летит.
За мигом — миг.

За былями назад отходят были.
Но грянувших войной сороковых
Мы и в семидесятых не забыли.

Когда отцы,
Простившись у дверей,
Ушли туда, где грохотало небо,
Потухли лица наших матерей
И в каждом доме
Меньше стало хлеба.

Нам эти дни далекие близки,
Как жизненной истории страницы:
В сорок втором, я помню,
Колоски
Мы собирали, чтобы прокормиться.

Цена побед великих и потерь
Доныне не забыта нашей степью.
Всему учитель — хлеб.
И мы теперь
Пришли к большому хлебу от бесхлебья.

Есть хлеб —
И в бесконечной смене дней
Мы снова и могучи, и богаты.
Нам с хлебом
И грядущее видней,
И ответ той победы в сорок пятом.

Целинный хлеб — особенная честь
Нам выносить к застольям
Этот дар свой.
Есть хлеб у нас и, значит, песня есть!
Есть хлеб — и сила есть у государства!

Поля, поля насколько видит глаз.
Есть хлеб — и у друзей теплеют взоры.
Есть хлеб у нас.
И потому сейчас
Мы покоряем звездные просторы.

Плывем сквозь льды.
В пески приводим лес.
В реальность жизни превращаем небыль.
Немало в мире нынешнем чудес,
Но не придумать пищи
Лучше хлеба!

ОТВЕТ ЧАБАНА

Мой Джебказган!
Ты этот вечер помнишь,
Когда, свершив космический полет,
Вблизи тебя Артюхин и Попович
На луг спустились с голубых высот.

Как полотно, написанное тонко,
Мне открывались
Степи летних дней:
Мы с вертолета наблюдали гонку
Машин, верблюдов, скачущих коней.

Казахский чай. Кумыс. Цветов букеты.
Казалось, не аулы — вся страна

Сошлась сюда, на луг,
Где до рассвета
Сегодня будет ночь отменена.

И пошутил чабан белобородый
За угощением:
— Вы учтите впредь,
Что за трубу ближайшего завода
Здесь при посадке можете задеть!

И всюду смех. И отшутился кто-то
За космонавтов:
— Там и здесь, внизу,
Расчет, отец! А если без расчета,
То угодишь и в речку Сары-Су!

Пора прощаться.
С речью сокровенной
Попович распрямился в полный рост:
— Да будет луг просторнее Вселенной,
И на лугу овец — как в небе звезд!

А над заводом
Со степным размахом
Пылал закат вечернею порой.
И, знающий обычаи казахов,
Чего-то ждал космический герой.

И, зоркий глаз свой шуря при ответе
На город и степную благодать,
Сказал чабан за всех:
— Вот если б это
Сумел сегодня Ленин увидеть!

ТЕРРИКОНЫ

И знойным летом,
И зимою вьюжной
Мне дорог мир горняцких городков.
Там терриконы,
Как горбы верблюжьи,
Қасаются высоких облаков.

К вам, терриконы,
Я привык когда-то.
Любой из вас в течение многих лет
На фоне ярко-красного заката
Проносит треугольный силуэт.

Вы мне стихи дарили неустанно,
И жарко клокотала ваша грудь.
Вы, терриконы,
Словно бы вулканы,
Таите в недрах мощь свою и суть.

И на-гора идет поток породы,
С которой человек ведет бои.
Вы, терриконы,
Новый лик природы,
Вы горы рукотворные мои.

Живые горы, молодые горы,
Откуда открывал я все пути.
Уйти от вас — истоскаться скоро,
Вернуться вновь к вам —
Радость обрести!

СЫНУ

Живи, как сможешь,
И дружи, с кем хочешь.
Но, чтоб мечту осуществить верней,
Не продлевай, мой сын, свои же ночи
За счет своих сменяющихся дней.

Дорога жизни...
Утомленный ею,
На ровном спотыкается и слон.
Но дни, мой сын, становятся длиннее
За счет ночей, когда нам сон не в сон.

ОДА ШАХТЕ

Копры — батыры в боевом дозоре,
Копры — суда в раскинувшемся море.
Копры — поэты, что на красоту
Восторженно взирают на просторе.

Копры живут заботой непростою
И в злые холода, и в летний зной.
Копры — они мосты меж высотой
И вещею подземной глубиной.

Копытами поправшие планету,
Чтобы трудиться и сейчас, и впредь,
Копры из темноты

Выносят к свету
Без предпочтений — золото и медь.

Здесь вагонетки не стоят и часу,
Их ритм рассчитан, строг и деловит,
Как будто мать-земля свои припасы
Достать нам из-за пазухи спешит.

Здесь от себя, как ветви, гонит штреки
Ствол шахты и могучий, и прямой.
Нет, трус здесь не освоится вовеки —
Так поклонись идущему в забой!

В забой, где со сноровкою рабочей
Решимость уживается вполне.
Здесь человек в сражение днем и ночью,
Здесь со скалою он наедине.

Здесь труд и взрывы ротозейству чужды,
А похвальбе заносчивой — стократ.
Здесь люди знают, что такое дружба.
И тем богаты.
И на том стоят.

ПРАЗДНИЧНАЯ ПЕСНЯ

Сегодня торжествует вся планета,
И радость эта щедро мной воспета:
Недаром вдохновение крылом
Во мне взмахнуло, устремляясь к свету.

Нева плеснула вдруг
В степных просторах,
Донесся и до нас раскат «Авроры».
Да, разделяют шесть десятков лет
День нынешний и ту былую пору.

Сбылась мечта казахского Востока.
И гордая победа Октября
Повесткой жизни сделала не зря:
Шаги свои соразмерять с эпохой!

Передо мной края мои предстали:
Забывшие о гнете и печали,
Казахи Ленина благодарят
За новые, октябрьские дали.

И эта благодарность в каждой песне.
И в каждом празднике.
И в каждой вести.
Не юрту обновили мы навек —
Отчизну обновили мы все вместе.

Из недр земли идет руда большая.
Мы Байконуром век опережаем.
В пески приводим реки и сады,
На миллиард считаем урожай.

Пусть слышат люди все и вся природа,
Как я пою бессмертне восхода.
Исток наш — Двадцать Пятое, Октябрь
Великого Семнадцатого Года.

БЛАГОДАРНОСТЬ АУЭЗОВУ

Я вспомнил в отчей стороне
Ту женщину, что за границей
На русском — ломаном — ко мне
Решилась все же обратиться.

Откуда, мол, я?..
А в словах
Гостеприимный тон привета.
И ожидание ответа —
В живых и дружеских глазах.

Известно, свет рождает свет —
И в этом встреч недолгих чудо.
— Советский я!
— О, Совет!
А в Совете вы откуда?

— Из Казахстана!
— Понимай... —
Она в ответ, не понимая.
И я добавил вдруг:
— Абай!
Читали книгу про Абая?

Мадам слегка потеряла лоб,
Но тут же улыбнулась мило:
— Мерси! Я знаю! Ау Эоп! —
Она мне твердо объявила.

Что ж, суть не в ломаных словах.
И Ауэзову Мухтару
Я благодарен был недаром
За то, что родом он казах!

РАЗГОВОР С ЗЕМЛЯКОМ

— Алло! Кто это?
— Вася Рерих это!
— Приехал?
— Вот лишь бросил чемодан...
— Привет!
— Привет!
— А может, без приветов
В Москве за чаем вспомним Джекказган?

Давай!
Жена и дети будут рады.
Тебя в Фили метро докатит в срок.
Тепло друзей
Ко мне доставишь на дом
И тот — родной — забойный ветерок.

Не вместе мы с тобой из института
Девчонок провожали в поздний час.
Мы не вели в сраженьях
Счет минутам.
Мы — одношахтники!
И потому-то
Ничто любые кручи и для нас.

Попутчики твои
Нам не в обузу —
Обычаи степей живут во мне.
Совет в Филях устроим,
Как Кутузов,
Совет о мире, а не о войне.

Да не смущайся.
О тебе сердечно

Я вспоминал, пока ты был вдали.
Храню я в глубине души навечно
Всех, с кем работал в глубине земли.

Я для тебя,
Прими за откровенье,
И не поэт, и не начальник твой:
Ведь стало
Медных руд месторожденье
Месторождением дружбы трудовой.

По телефону многого не скажешь.
Алло!
Я жду, когда приедешь ты.
Да будут, Вася Рерих, чувства наши
Всегда,
Как пот наш на руде,
Чисты!

ДЖЕЗКАЗГАН

Близ Джезказгана
Нам сродни природа.
И ты вокруг
Взгляни из-под руки:
Как широки
Коктенбельская¹ воды,

¹ Коктенбельсай — проточное озеро.

Как вдохновенен бег
Кенгир-реки!

Побудь здесь вволю.
Не спеши прощаться.
Сходи с горняцкой сменой
В забой,
Где люди
Четырех десятков наций
Породнены
Единою судьбой.

С ветрами
Улытау шлет приветы,
Дымки заводов
Тянутся в зенит.
Над Байконуром
Старт берут ракеты,
В конверторах,
Как солнце,
Медь горит.

И терриконов голубых стремленье
Туда же — ввысь,
Туда же — на простор.
Мне ведомы
Порыв и вдохновенье
Не просто гор —
Живых,
Рабочих гор!

А на копрах огни
Подобны рою.
И чудится

В вечерней полумгле:
Под каждую
Небесною звездю
Такая же
Сверкает на земле.

Здесь камень лунный
Как-то увидали,
Иртыш стремится
В эти вот места.
Венецей сарыаркинских далей
Наш Джекказган
Считают неспроста.

Мечты здесь наших предков
Не забыты.
Как Прометей с новою судьбой,
Возводят
Джекказганские джигиты
Дворцы и на земле,
И под землей!

ЛЕНИН И НЕКРАСОВ

Он в юности касался поднебесья,
Вбирал в себя
И ширь, и глубь, и даль
Над Волгой, где бесхитростные песни
Таили и надежду и печаль.

И вот иные наступили сроки.
И вместе с возмужанием в крови
К нему пришли некрасовские строки,
Исполненные скорби и любви.

Над древней Волгой
Был ему открыт он —
Гражданской музыки гнев не напоказ.
О том, что на Некрасове воспитан,
Ильич с годами повторял не раз.

Ценил он суть некрасовской натуры.
В тома поэта, как в черновики,
Еще мальчишкой пропусти цензуры
Он вписывал на память — от руки.

НА ЗИМНЕЙ ВОЛГЕ

Родные степи вспомнил я невольно,
Когда, под солнцем в инее горя,
Возник крутой и мудрый берег Волги —
Как лоб былинного богатыря.

Здесь слышен шаг Ульянова Володи.
Вдоль русских прядок ивовых бредя,
Я ощущал, как много здесь в природе
От юности народного вождя.

Лесок темнеет табунком.
По следу

Мороз идет за снегом второпях.
Береза и сосна ведут беседу,
Как будто это русский и казах.

Синеет небо часто и подолгу.
И глядя бодро на простор речной,
Я раз мечтался:
Повидать бы Волгу
Не зимнею порою, а весной!

В УЛЬЯНОВСКЕ

Сегодня я с надеждой сокровенной
Перед тобой задумчиво стою.
Так приоткрой, Ульяновск современный,
Мне сложную историю свою.

Беседу с гостем поведи толково
Не только про приволжскую красу:
Ведь я о Ленине любое слово
В своих стихах казахам понесу.

Не зря моя дорога повернула
К тебе, как будто
К гордой высоте:
Пусть смогут казахстанские аулы
Узнать еще хоть что-то о вожде.

Не здесь ли открывался мир, огромен?
Не здесь ли от земли до облаков

Звучали и Некрасов, и Бетховен,
И горькие стенанья бурлаков?

Ильич любил крутые эти скаты:
Здесь выбегал он юношей к реке,
Здесь полюбил он шахматы когда-то
И здесь из книг узнал о Спартаке.

Когда-то Разин дерзко и сурово
Сбивал с бояр здесь вековую спесь.
А Пушкин? Может, он о Пугачеве
Людей расспрашивал когда-то здесь?

Не перечсть мне тех, что здесь бывали..
Но я дышу, к тому строку ведя,
Что помнят эти шири, эти дали
О молодости нашего вождя.

И ты, Ульяновск, с гостем откровенен,
Сегодня поименно назови,
Что в сердце уносил отсюда Ленин:
Ведь гений начинается с любви.

ПУШКИНУ

И гнев, и доброту сквозь вдохновенье
Он приводить к возвышенности мог:
Ведь каждое свое произведение
И начинал и завершал как бог.

Но жизни гениев не сплошь из света.
И я теряю иногда покой,
Страшась:
Не огорчить бы тень поэта
Какой-нибудь бескрылою строкой.

* * *

Подчас земля обойдена дождями,
Но настают заветные часы,
Когда и тени облаков с цветами
Целуются в предчувствии грозы.

И вот промчался ливень по джайляу.
Теперь не тени облаков — лучи
К цветам, как прежде,
Тянутся по праву,
Целуют их, светлы и горячи.

И, хоть иду я вроде стороною,
Мне хочется сказать лучам всерьез:
Цветы от изнуряющего зноя
Возжаждут снова и теней, и гроз.

ПОД УЛЬЯНОВСКОМ

А я стоял и любовался долго
Твореньем разума и крепких рук:
Здесь, словно через время,
Через Волгу
Легли мосты,
Как будто дед и внук.

Легли рядком на общие опоры.
И чудится, что поезд без помех
Соединяет нынешнюю пору
И пору, отошедшую навек.

Весной здесь ледоход бушует в пене,
Нередко волны дыбятся, ярься.
Но два моста — как спайка поколений,
Как двух людских эпох взаимосвязь.

* * *

Б. А. Ланцову

Вокруг улыбок было много.
Как бы исполнен тайных сил,
Ты вдруг в душе моей тревогу
На вдохновение сменил.
Мечты вселил в меня и мысли.
В те дни взволнован и устал,
Над Волгой аромат кумысный
Я, как в аулах, ощущал.

Храня любовь к степным равнинам,
Гость словно родственность обрел:
Внимал я трелям соловьиным
И наблюдал роенье пчел.
Мой друг!
Со мною откровенен
Ты был у вод большой реки.
В твоём краю родился Ленин,
Но все вождю мы — земляки.
С тобой — как с детства мы знакомы.
В каком ни буду далеке,
Меня всегда найдешь ты дома,
Всегда найдешь в моей строке.

* * *

Нельзя встряхнуть, что одеяло, право,
Полночный свод
В манящих блестках сплошь.
Звезда горела в небе Алатау.
Горела... Где теперь ее найдешь?

Метаться поздно.
Взгляды шурить поздно.
По-прежнему в ночи к себе маня,
Сияют в небе Алатау звезды
Без той одной, что в сердце у меня.

ТОПОТ КОНЕЙ

Как вечный страж у родника —
Та безымянная гробница.
На древний мрамор сквозь века
Ночь синей пеленой ложится.

Ничем не знаменит казах,
Здесь похороненный когда-то,
Но, видно, в смертный час сказал
Он так печальному собрату:

«Мазар¹ богатый — лишний труд.
Тут место есть неподалеку,
Где наши кони воду пьют, —
Там мне и лечь бы одиноко.

На степь бы, не жалея глаз,
Глядеть, пока не дрогнут веки.
Кумысом бы в последний раз
Мне жажду утолить навеки.

Разлуки вечной чуя власть,
Взнуздать тулпара с прежней силой.
Хоть раз нацеловаться всласть
Пред тем, как распрощиться с милой.

Взять в рот щепотку табака,
Услышав близкой смерти ропот.
И все ловить у родника
Степных коней волшебный топот...»

¹ М а з а р — мавзолей.

* * *

Нельзя, чтоб сердце горечь жгла,
Иначе день за днем
Она сожжет тебя дотла
Невидимым огнем.

Держись на жизненном кругу,
О прошлом не жалея.
И не тревожь печаль-реку
На дне души своей.

Оставь былое в забвении
И радостью живи:
Не зря поют ведь соловьи
Весною о любви.

Тревог немало и у нас,
И память лет сильна.
Когда придет последний час —
Наплачешься сполна.

* * *

Не зову я весенние дни,
Мне приятны и лето, и осень.
Стало прошлое сердцу сродни,
А родное под старость не бросить.

Так и с будущим связь не порвать,
Жизнь годами измерить непросто.
Не назвать мне девчонкой опять
Одноклассницу, ставшую взрослой.

Я не рвусь в прожитые года,
Мне легко с новой юностью рядом.
Дети грозной войны,
Мы всегда
Ею мерим и горе, и радость.

ОЗЕРО АЛАКУЛЬ

Семь гор пройдешь — и в тишине
Гладь Алакуля серебрится.
Красивой девушки ресницы
Камыш напоминает мне.

Она с отарою своей
Тогда была на Алакуле.
Мы встретились глазами с ней —
Огнем глаза ее сверкнули.

Бежала жизнь, года гоня,
Все это отошло в былое.
Но до сих пор — глаза прикрою
И вижу: ждет она меня...

ПЕЧАЛЮСЬ Я...

Люблю осеннюю прохладу,
Она с собой несет стихи,
В ней — завершённых дел отрада,
В ней новизны видны штрихи.

Светло и дышится и спится.
Итожу пользу дней своих.
И песни перелетным птицам
Дарю я, провожая их.

И осени лицо живое
Спешит постичь строка моя.
Но над опавшею листвою
Печалюсь я, печалюсь я.

КОГДА ПРИХОДЯТ СТИХИ

Когда стихи ко мне приходят,
Я словно открываю клад,
Бескрылый, я тогда крылат,
И вдохновенье в сердце бродит,
И в жизнь влюбленной я стократ.

И полон я благоговенья,
Живу любя, живу горя.
Никчемны дни без вдохновенья,
Как время, прожитое зря.

СВЕТ ДУШИ

Запасы душевного света
Вложил я в стихи, не тая.
В них жизнь горняка и поэта,
И тайна в них бьется своя.

В них — мир мой,
Мои в них дороги,
Все честно тут, все — напрямик.
У жизни беру свои строки
И ей возвращаю я их.

Не зря изнутри и снаружи
Земная пристала к ним соль.
В них сыщется давняя стужа,
Проглянут и радость, и боль.

В них — город,
В них — степи без края,
В них родина — нету родней.
И рана болит в них живая
За беды планеты моей.

В них осень соседствует с летом.
Война. И победа. И труд.
Но если в них этого нету,
Пусть имя мое зачеркнут.

ГОРНЯЦКАЯ БАЛЛАДА

Памяти Оразбека Дюсембаева

В смешенье слов крылатых, строгих, нежных
Хочу я, чтобы пыл во мне не гас,
Чтобы дорогой правды и надежды
Была моя дорога на Парнас.

День новый!
Он меня своим приходом
Врасплох, как говорится, не застиг.
Я не боюсь, друзья, отстать от моды —
Боюсь отстать от жизни хоть на миг.

На добром слове держится искусство,
С удачным словом
Каждый шаг верней.
В моих строках и образы, и чувства,
И даже мысли — все из наших дней.

Но как, мой сын, волнуясь я при этом:
Ведь сколько ни трудись и ни страдай,
Вдвойне труднее стать для тех поэтом,
Кому известны Пушкин и Абай.

Двадцатый век спешит без передышки
Преодолеть космический барьер.
Почти с пеленок резвые детишки
Готовы брать с Гагарина пример.

События бурлят на белом свете.
С моей судьбою связан навсегда
Мой Джекказган — открытый город меди,
Открытый город дружбы и труда.

С дорогами, с копрами, с терриконами
Я ощущал себя прямой родней.
Казалось, увертюрою Бетховена
Звучал мне в уши Рудничный забой.

И сам я дирижировал работой —
Не просто ей внимал со стороны.
Оркестры горняков.
На скалы ноты
Забойщиками там нанесены.

Не передать словами то волнение,
С которым к шахтным звукам я приник:
У гор свое по сути вдохновение,
Свои предвиденья и свой язык.

Там все свое: и облака, и реки,
И улицы (а по-горняцки — штреки).
Там инженерский сопромат в ладу
С поэзией, живущей в человеке.

Опоры держат кровлю — что колонны
Или столпы седого Вавилона.
А может, это воинов ряды,
Навек окаменевших в царстве сонном?

Там миг от мига — как от боя к бою
Мы были связаны одной судьбою.
Я тем горжусь, что вел борьбу за медь,
И тем, что годы отданы забою.

Там вглубь продолжены
Мои просторы.
И, ханской власти отметая пору,

Я времени единственный отсчет
Веду от Октября и от «Авроры».

Закон свободы!
О таком законе
Готов я говорить в горячем тоне!
Стал металлург хозяином огня —
Он в цехе держит солнце на ладони.

Архарами мне кажутся аноды,
Сайгаками мне кажутся катоды.
Под стать песчаным плесам Сары-Су
Поблескивают ванны медьзавода.

Нет, я не помышляю о секрете,
Который пыл вдохнет в мои стихи.
Я с чистотою джезказганской меди
Сверяю чистоту своей строки.

И мерою мне рудные отвалы,
А эталоном — шахты глубина.
В забоях, знаю я, берет начало
Моих волос густая седина.

Да, где руда — там рудники повсюду,
Где рудники — там стали города.
Где города — сады, как будто чудо,
А где сады сегодня — там вода.

Мы обновили край за эти годы.
И сам я тоже, счастлив и устал,
Работал в шахтах,
Создавал заводы
И к небу новостройки поднимал.

Был по характеру не из трусливых.
Мелькающим событиям вопреки
Я не забыл толчки подземных взрывов —
Бесстрашием гордятся горняки!

Бесстрашие их
Окуплено судьбою .
И смены, и мгновенья самого.
Не зря законом стало для забоя:
Один за всех и все за одного!

Любой горняк там
Общим делом дышит,
Свою победу многими крепя.
Там вера в дружбу и сильнее и выше,
Чем просто вера в самого себя.

Там люди те, что в душу мне запали.
Так будь же вдохновенною, строка:
Видна мне четче из московских далей
Судьба прославленного горняка.

✱

— Знавал ли ты, сынок мой, Оразбека?
— Да, папа.
— Значит, ты знаком с судьбой
И славою такого человека,
Который стал историей самой!

Историей — от ворота ручного,
От тачек и натруженных горбов
До новых шахт с научною основой
И стометровых башенных копров.

Историей — в подземных коридорах
К машинной рати шли мы от кирки.
Историей — но не одних просторов,
А и того, кем стали степняки.

Что в мире человека интереснее?
Горняк — он не жалел в работе сил.
Он, будучи рабочим по профессии,
Не заносился, но и не тужил.

Трудом сквозь темень
Пробивался к свету.
Известно мне — пойми, сынок, и ты —
Что весь его характер, как планета,
Несет в себе глубинные пласты.

Он юным был в Октябрьскую пору
И зрелым в ту — последнюю — войну.
Открылось джезказганскому шахтеру,
Как пули рассекают тишину.

Потом пришлось с разрухою бороться.
Не зная покоя и на миг,
Его судьба — судьба первопроходца
Подземных казахстанских кладовых.

Он мог любую разгадать загадку
И разрешить любой горячий спор:
Ведь знал и ту скалу, и эту складку
В слепом нагроможденье древних гор.

Читал он
Джезказганских недр строенье,
Как будто книгу, что весьма проста.

И чуял рудных залежей сцепленья,
Их слабые и сильные места.

Он кончил курсы горных мастеров.
Но я-то помню взгляд его веселый:
Мол, вынесли мы знания, будь здоров,
Из высшей школы — таскудуской школы!

Он на меня посматривал хитро,
Как старший, ожидающий признанья:
Я, дескать, на «Петро», ты — на «Покро»¹,
У нас, мол, шахтное соревнованье.

Соперничество лихо шло у нас:
Так в лаве соревнуются забои,
Так спор с Карагандой ведет Донбасс,
А Ленинград, как водится, — с Москвою.

Мы находились в вечном напряженье:
Был каждый и напорист и удал.
Но чувство юмора
При пораженье
Сам Оразбек ни разу не терял.

А юность — не в ее ли легкой власти
И в семьдесят был юн он и горяч?
Ты помнишь, сын,
С какой веселой страстью
Гонял он с вами, пацанами, мяч?

На молодых любовь и нежность тратя,
Растил их как детей — наверняка.

¹ «Петро», «Покро» — названия шахт.

Его на шахте величали «батей»,
Как в партизанском крае — Ковпака.

Державшийся сердечно и открыто,
Какой с ним разговор ни заведешь,
Он, помню, на Муканова Сабита¹
И голосом, и с виду был похож.

Улыбка, помню, истиной искрится
И покоряет души, не строга.
Седоголовый, крепкий, круглолицый,
Глаза он шурил, как Сабит-ага.

Бывало, в доброй, дружеской беседе
Сначала все расскажет о себе,
Потом тебя расспросит и о детях,
И о делах, и о самой судьбе,

И обо всем, что происходит дома.
К нему влекло неодолимо нас.
Казался он давным-давно знакомым
И тем, с кем сталкивался первый раз.

Влекли довериться,
Разговориться
И взгляд, и обаянье без границ.
Сдавалось, может мир преобразиться
От взмаха оразбековых ресниц.

Но лишь о главном в нем,
А не о прочем
Мечтает рассказать мое перо:

¹ Сабит Муканов — известный казахский советский писатель.

Он на «Петро» пришел простым рабочим
И вырос до начальника «Петро»!

«Петро» хоть с кем в труде
Могла поспорить!
Петровцы, проникая в глубь земли,
И шахту отработали, и вскоре
Все вместе на другую перешли.

Любили джезказганцы Оразбека.
С отцовской биографией знаком,
И ты, мой сын, не по велению века,
Так по призванию станешь горняком.

Поймешь, что значит «отработать шахту»:
Забой — не поле, лава — не простор.
А шахта — там для самых смелых вахта,
Там взрывов гул и сотрясения гор.

И Оразбек в работе неустанной
То сдержан и расчетлив, то удал —
Еще и нам он штреки-великаны
Осваивать вначале помогал.

Не знаю, как мы без него смогли бы
Осилить и гранит, и пыль, и тьму?
Да, в медных недрах
Нам встречались глыбы —
По существу подобные ему.

В дворцах подземных за дела брались мы
Все жарче, все упрямей, все верней.
Мы ловко объезжали механизмы,
Как смуглые табунщики — коней.

Там, под землей,
Прошли мы испытанья
На дружбу рудниковой глубины.
Там нет ни ссор, ни чиновочитанья,
Там все перед работою равны.

О, наши рейсы в недрах Джебказгана,
Где всех, как моряков, пьянил успех.
Беспомощен корабль без капитана...
Был капитаном шахты — Оразбек.

Мой сын!
Сумей понять того размах ты,
Кто нес в себе подвижника запал,
Кто, и освоив, и возглавив шахту,
Со слесаря когда-то начинал.

Пройдут года — и если спросит кто-то:
«Как смог распорядиться ты судьбой?»
Ответить гордо: «Шахту отработал!»
Поверь, мой сын, решится не любой.

Что ж, подражать такому человеку
Считалось нам естественным вполне.
Да я и сам обязан Оразбеку
Всем тем, что есть горняцкого во мне.

Случались, помню, трудные наряды,
Когда ничем не вдохновишь ребят...
И вдруг он подойдет и скажет: «Надо!»
Да так, что люди подвиг совершат.

Он жил таким особым вдохновеньем,
Как будто создавал стихотворенье.

И шли дела на шахте с огоньком,
И в этом «надо» виделось значенье.

Медь проводов как будто славословит
И хвалит горняка на всю страну.
И в крыльях птиц
Его я вижу брови,
В снегах — его густую седину.

Я к Улы-тау обращаю взоры —
Там все тропиночки ему близки.
О нем мне говорили люди, горы,
О нем мне пел камыш Джезды-реки.

Под стать самой природе жил он смело.
Всегда, как говорится, и везде,
Как бог, с тебя он спрашивал за дело,
Как друг, с тобою был в любой беде.

Стоит «Петро» — стоит как день вчерашний,
Минувшая страда, былой успех.
А новой исполинской шахты башня
Издалека — как будто Оразбек...

*

Земля мне эта навсегда желанна —
Здесь медная река берет разбег.
Здесь рудники и шахты Джезказгана
Символизируют двадцатый век.

Взметнулись зданья в небо голубое,
Кипучей жизнью полнится простор.
И Кенгирбаи наших дней
В забое
Ведут с рудой трехсменный разговор.

Ты, сын мой, словно бы идешь по следу
Тех дел, что длились в громе и огнях.
Об Оразбеке эта вот беседа,
И о горячих призабойных днях,

И о моих тревогах постоянных
В ту пору, сын, что ныне вдалеке.
Строительство большого Джезказгана
Мы развернули на Кенгир-реке.

Во имя новых трудовых свершений
Объединил горняцкий Джезказган
Все девять шахт — как девять поселений.
Как девять городов.
Как девять стран.

Над каждой круто высилась порода,
Как бы девятым валом накатив.
Там люди многих наций и народов
Горняцкий составляли коллектив.

Не зря, придя из дней неугомонных,
Доныне мне являются во снах:
Как пирамиды — девять терриконов
И девять звезд, горевших на копрах,

Пылавших ярко и несуетливо,
Как будто представляя всякий миг
Те девять наших крепких коллективов,
Те девять наших медных кладовых.

Те девять родственников величавых
По многим дням совместного труда.
Те девять высей.

Я себя по праву
К одной из них причислить мог тогда.

Я к стендам подходил неторопливо,
Где, четко обновляемые в срок,
Успехи наши явные и срывы
На нас смотрели цифрами с досок.

Упустишь полпроцента — утром рано
Живущий по соседству аксакал
Не спросит, как ты этой ночью спал,
А интерес проявит: «Что там с планом?»

Да, побеждал нас Оразбек нередко.
Хоть был объем работ тогда не мал,
Как правило, задание пятилетки
Он за четыре года выполнял.

Склонялись горы перед Оразбеком.
Успехами увенчивался труд.
Вперед, мой сын,
За смелым человеком
Другие люди смелые идут.

П О Э М Ы

ЭДЕЛЬВЕЙС

Есть в женщине и в мраморе — святое.
И я гляжу, взволнован и несмел:
Тут красота
Творится красотой.
Над белой глыбой — чистый профиль бел.

А женщина — она в плену исканья.
Что вдохновенье — явь иль забытье?
И вижу я:
Из мрамора, из камня
Является подобие ее.

А ведь когда-то в древности, бывало,
Предполагая в том источник зла,
Учение Магомета запрещало
Изображать нам женские тела...

А нынче узнавания порывом
Подхвачен я,
И в памяти моей
Проходят, словно перед объективом,
Глаза, улыбки, голоса людей.

Оживший камень светит белизною.
Так серебром дрожит в реке луна,
Так проступает вдруг порой ночью
Берез и лиц девичьих белизна.

К ногам ложатся мрамора осколки —
Так стелется по небу Млечный Путь.
А эти руки трепетные...
Сколько
Пришлось неженской силы в них вдохнуть!

Так вот цена бессмертному творенью:
Иглою рыть колодец — тяжкий труд.
Так и поэт по зову вдохновенья
Готов от всех освободиться пут.

Слеза иль пот
Скользит на мрамор грубый?
Уму и сердцу
Сблизиться пора.
Темны зрачки, сухи от жара губы,
И мысль, как будто лезвие, остра.

Так над домброй склоняется домбристика.
И, чувствуя уверенность резца,
Уверен я:
Изображение близко
Тому, что было в замыслах творца.

Осколки мрамора,
Чужой души осколки,
Волнение — ну как его унять?
Сомнение — и песнь резца умолкла.
Так продолжать или искать опять?

Но вот лицо преобразилось страстью,
Чуть приоткрылся в возбуждение рот.
Стальной резец
Стучит по камню властно
И мысль неутомимо в путь зовет.

Что я сравню с горячностью движений,
С чередованием радостей и мук?
Нашла одно из множества решений.
И счастьем озарилось
Все вокруг.

И кажется, что силы на пределе,
И вижу я:
Сменяются в глазах
Те чувства, что душою завладели —
Сомнение, надежда, радость, страх...

И словно бы податливее мрамор,
И, глядя на гармонию труда,
Ту женщину
Возвышенную самой
Назвал бы без сомненья я тогда.

О, женщина над мраморною глыбой!
Свое подобье ты творишь сейчас:
Вот чистый лоб,
Вот локон прихотливый,
Вот ясный взгляд продолговатых глаз.

Откуда вдруг появилось столько света,
Что незаметно ожил камень твой?
Подобие твое я видел где-то
Не мраморною девушкой —
Живой.

Мне этих глаз глубины помнить вечно.
Они меня всегда к себе влекли,
И жгли меня,
Светя судьбе навстречу,
И все ж во мне остаться не смогли.

Какая светозарность скрыта в людях!
Но к статуе вернулся я опять:
Вот приоткрылись шея, плечи, груди,
Наметилась волнующая стать.

Она глядит —
И взгляд плывет мятежно,
Как бы зовя того, кто далеко,
И дышит ожиданием и надеждой,
И мне от взгляда этого легко.

Кто мне послал такое испытанье,
Возможно ль юность возвратить мою?
И почему я сам,
Как изваянье,
Пред каменною девушкой стою?

«Терпи, поэт, и набирайся силы!» —
Так сам себе твержу я вновь и вновь.
Та статуя меня заворожила,
В ее глазах открылась мне любовь.

Не зря меня надежда здесь держала,
Не зря меня сюда вела судьба...
А скульптор
Улыбнулась мне устало
И пот ладонью вытерла со лба.

А мне спросить хотелось:
Кто же это?
Чей облик тут запечатлен навек?
Быть может, это юная Джульетта,
Красавица, быть может, Кыз-Жибек?

Какая хрупкость,
Трепетность какая,
Какая гибкость белых лебедей!
Быть может, Чернобровая Абая
Чуть удивленно смотрит на людей?

Что это:
Человек или виденье?
Я чудо созерцаю в тишине,
А девушка из тех, кто в упоенье
За горизонт умчится на коне.

Поэт, пред красотой застывая,
Всегда соединяет с ней любовь.
Мне кажется,
Что, мрамор согревая,
В нем бьется человеческая кровь.

А губы дышат яблочным нектаром,
Они полуоткрыты и влажны.
И смотрят в душу с затаенным жаром
Глаза необычайной глубины.

Присмотришься —
В них ранняя утрата...
Вот так, пожалуй, много лет назад
На белый свет смотрели мы, ребята,
Те, кто вобрал в сердца военный чад.

Ровесница!
Вот дружески и просто
Она сейчас навстречу мне шагнет...
Вопросов миллион — и нет вопросов.
Мой идеал из камня восстает.

Как будто лишь о ней всю жизнь упрямо
Я скульптору твердил и день и ночь,
Как будто это мне подвластен мрамор,
И я в нем смог недвижность превозмочь.

Нет, не сравню со сладостью шербета
Девическую свежесть этих щек.
(...То жар, то холод —
Верная примета
Того, что ты любовью занемог.)

Да, мне она знакома без сомненья,
И я волненье чувствую в крови,
Я очарован.
Вот оно — мгновенье,
Мгновенье зарождения любви.

Звезда, что в синем найдена бездонье.
Улыбка чуть заметна и легка.
И сведены раскрытые ладони
Подобием весеннего цветка.

Я подойти к ней близко не посмею.
Два сердца умещаются во мне.
А скульптор все склоняется над нею,
Не оставляя нас наедине.

Удары все точней,
Осколков груди.

Прочь — худшее,
А лучшее — свети!
Прочь — зло,
А доброта — цари повсюду.
Ваятель, ты на правильном пути!

Твоя крылатость искони близка мне,
Над мрамором вершится твой полет.
Смотрю, не отрываясь,
Как из камня
Свое подобье скульптор создает.

И сердце у меня захолонуло,
И мрамор вдруг предстал передо мной
Девчонкою из нашего аула —
Я вспомнил детство,
Вспомнил дом родной.

Из солнечных лучей тот образ соткан.
И пусть сейчас те годы далеки,
Стою перед нежданною находкой,
Тепло девичьей чувствуя руки.

Как юность над землей звенела наша!
Как жгла неповторимостью весна!
Похожая на тысячи казашек,
Девчонка та —
Из тысячи одна.

Такая на тебя посмотрит строго,
Не сразу долгожданный даст ответ,
Наедине с бессонницей, с тревогой
Метаться будешь между «да» и «нет».

Такая вдруг замрет,
Как пред полетом,
Не зная ни падений, ни оков.
Замрет — как бы к таинственным высотам
Ее позвал любви немолчный зов.

Схлестнулись в ней
И воля, и безволие,
Сроднились в ней
Покорность и порыв.
Вот так гвоздика в луговом раздолье
Весенний чутко слушает мотив.

Такой, такой даруют гибкость волны,
Задумчивость — осенний шлет туман.
Так лилия на озере безмолвна,
Так ярок по весне в степи тюльпан.

Так взгляд к себе приковывает властно
На Окжетпесе выросший цветок:
Забыть его захочешь, но напрасно:
Он в памяти твоей пустил росток.

Так вера в красоту нам души лечит,
Так доброта соединяет нас.
Любимая,
Приметы нашей встречи
Я воскрешаю снова в этот час.

Узнал, узнал.
И, словно озаренье,
Воспоминанье вспыхнуло во мне:
Ты ждешь меня,
Ты слышишь птичье пенье
В том памятном, в том незабвенном дне.

Зачем я звал сравнения, как милость,
Зачем чужие вспоминал черты?
По-новому сейчас мне приоткрылась
Любимая, единственная ты.

И цепенею вновь пред красотой.
Знакома мне молчания печать.
Наверное, вот так
Перед тобою
Всю жизнь свою я смог бы простоять.

Как в первый раз,
Меня заворожила
(Иль ты с годами стала так резка?).
Я вспомнил юность — с непонятной силой
Заполонила грудь мою тоска.

Тогда была ты тоньше и нежнее.
Теперь строга и холодна ладонь.
...Мы к зрелости становимся умнее
Не оттого ль,
Что гаснет в нас огонь?

Не всем дано постигнуть тайну чувства.
Я мыслей от бумаги не таю:
Без веры в идеал,
Наверно, грустно
И горестно прожить всю жизнь свою.

К чему слова былого восхищенья?
Но в памяти беспомощно тону:
Вернул мне мрамор прежние виденья,

Он мне вернул
Забывшую весну.

Мне в юности казалось то пороком,
Что ныне чту
Достоинством твоим.
Но никогда изменой иль упреком
Не оскорблял я ту, кем был любим.

И не скажу, что жизнь прожил безгрешно,
Но сердцем никогда я не солгу:
Той девочки,
Доверчивой и нежной,
Я позабыть до смерти не смогу.

Луч юности вернул меня к началу
Дорог, ко мне тянувшихся светло.
И потому добрее сердце стало,
В нем соучастье к людям ожило.

Тот труд, что в сердце вдохновенье будит, —
Благословен.
Я славлю труд резца.
Что видел я — о том поведал людям,
Все чувства я раскрыл им до конца.

Ты и двойник твой мраморный...
Из плена
Я не спасусь, цепей не разрублю.
Но сердце, мой диктатор неизменный,
Той и другой спешит сказать «люблю».

Уже удары молотка не часты...
Прочь худшее,
А лучшим скульптор горд.
Прочь — зло,
А доброта — цари и властвуй!
Последнего удара взмыл аккорд.

И тишина.
Застыл беззвучно мрамор.
Отложен осторожно молоток.
И, отзвенев, резец надолго замер,
Как будто он от счастья изнемог.

И, словно бы сгоняя с плеч сутулость,
Сметая утомление с лица,
Мне женщина победно улыбнулась
Счастливою улыбкою творца.

Я видел миг творенья,
И отныне
Душа всему ваянье предпочла.
Нет, просто ты
Свои черты земные
Творенью своему передала.

Тут скульптор обратилась в удивленье
К поэту
И заметила ему:
Вы простояли день здесь без движенья,
Меня влекло к работе вдохновенье,
А Вас-то что держало — не пойму.

Но если все ж с заботами моими
Вы ощутили родственную нить,
Какое бы скульптуре этой имя —
Особое —
Могли Вы предложить?

А у меня ответ теснился в горле,
И я вперед легко подался весь:
— Да это же цветок вершины горной,
Наш енликгуль —
По-русски — эдельвейс.

— Да, — скульптор мне ответила, —
Я рада.
Мне этот образ снился много дней.
Пусть девушка приковывает взгляды,
Пусть каждый
Идеал свой видит в ней...

А я не мог произнести ни слова,
А я не мог добавить ничего.
Я мог бы только повторить ей снова:
«Мое
Вы создавали божество».

И сходству их я продолжал дивиться,
Как будто был у сказки я в кольце,
Ведь красота —
Единая в двух лицах —
Была в скульптуре и в ее творце.

Молчала скульптор,
Глядя вдохновенно.
И я стоял, талантом поражен:
Ведь образ
Лучшей женщины Вселенной
Был в белом камне
Ею воплощен.

ДОМБРА

1. СТРУННЫЙ ЛАД

Не беспокой шипками струны,
Домбру напрасно не тревожь...

Абай

И вновь я чувствую волнение.
И вновь пьянит меня игра,
В которой только откровенья
Ждет откровенная домбра.

В смешенье радости и муки
Ждет — собеседнице под стать.
Не завораживали б звуки —
Не стал бы им я подпевать.

Так увлекай, домбра, как птица,
Являй раздумчивость и прыть.
Мне надо сердцем исцелиться,
Былую страсть в нем распалить.

Ты в неземном своем звучанье
Земную жизнь мою затронь.
К чему тебе слова признанья —
В твоём огне я сам огонь!

Будь, музыка, как низвержение
С горы струящейся реки.
Под стать Сары-Арке весенней
Цветите, первые стихи.

Пусть, точно скачущие лани,
В течение нескольких минут
Мелькнут мои воспоминанья,
Но в чём-то души западут.

Пусть песня будет так пропета,
Чтоб ей потом в моей крови
Жить — словно бы лучам рассвета
Или признанию в любви.

Узнай, домбра,
Кому что надо,
И душу извести мою.
Ее весенние наряды
Ни от кого я не таю.

Забудь о грусти и смиренье
Так, чтоб захватывало дух.
Пусть бьется в сердце вдохновенье
И звуки струн ласкают слух.

Пусть край степной, великий, вольный
Как сыну улыбнется мне.
Пусть всех озер и речек волны
Под ветром рукоплещут мне.

Но, может, грусти птиц осенних
Напев мой подражает тут?
Порой за скорым пробуждением
Раздумья долгие встают...

Чисты мелодий переходы,
Струна в согласие со струной.
Мгновения, часы и годы
Сменяются передо мной.

И радость
Вновь со мной в соседстве,
И вновь мечта моя светла
В груди моей, взмывая, сердце
Взмахнуло крыльями орла

Все, что любимо, все, что юно,
Вздывается, как вал крутой.
Так пусть сменяются на струнах
Покой — борьбой, борьба — судьбой.

Бедя — удачей. Счастье — мукой.
В родстве мелодии и слов
Касайтесь небосвода, звуки:
Я к откровению готов!

Готов, и. значит, в самом деле
В далекий путь теперь пора.
Когда-нибудь достигнем цели
И мы с тобой, моя домбра.

2. СОКРОВЕННЫЙ ЛАД

Звучанье трепетной домбры —
Звучанье сердца молодого.

Сакен Сейфуллин

Взлетает песня к поднебесью,
Чтоб тайна родилась в тиши?
Иль, может, это тайна — песню
Рождает в глубине души?

Иной, конечно, не случайно,
Насупясь, проживает век:
Кому свою откроет тайну
Холодный, черствый человек?..

А я молчанье нарушить
Зову доверчивость свою.
Я людям открываю душу —
И сам их тоже познаю.

Чтоб не бродить все тем же кругом,
А набираться новых сил,
Делюсь я с настоящим другом
Всем, что в одном себе копил.

Спешу струною по привычке
В себе нарушить забытье.
Ума и сердца перекличка —
В ней вдохновение мое!

И никуда уже не деться
От дней, сменяющихся вспять.
Я начал рано, начал с детства
Людские тайны постигать.

Война настигла и ребенка,
Придя в родимые места.
«Бумагой черной» — похоронку
Так называли неспроста.

Бумага черная...
Тогда-то
В глаза я горю заглянул.
Но и со мной, и с мамой рядом
Стоял, казалось, весь аул.

У дома стар и мал скорбяще
Молчали, точно в забытии,
И осушали слезы наши,
Стараясь сдерживать свои.

И уповали мы все вместе
На случай на счастливый тот:
Мол, как же — человек известный
Да без вести вдруг пропадет...

Потом встречали в сорок пятом
Солдат, оставшихся в живых.
«Вы, может, видели отца-то?» —
Хотелось мне спросить у них.

Ловя сочувственные взгляды,
Сумел я все же промолчать:
Я не давал себе пощады,
Щадя крепившуюся мать.

А та печаль свою скрывала.
А та не верила в беду
Я с ней был весел, чтоб нисколько
Не походить на сироту.

И, хоть давал понять при этом,
Что и детей взрослит война,
Я сожалений и советов
Тогда наслушался сполна.

Но было и таких немало,
Кто слова не ронял при нас.
Передо мною проплывала
То мутность глаз, то ясность глаз.

— Отец бровями и плечами!
— Отец да только юных лет! —
И языками аульчане
Мальцу причмокивали вслед.

И усмехался я на людях,
Хоть сам расстроен был вконец.
Мать говорила:
«Плакать будем —
Не возвратится к нам отец».

Отлично я учился в школе.
Отлично — худ пока и мал —
Работал на колхозном поле,
По дому маме помогал.

Поил скотину терпеливо
Или дрова колол, горяч.
Те, чьи отцы остались живы,
Играли в асыки да в мяч.

Но я доволен был судьбою.
Лишь, поднося ладонь к лицу,
Наедине с самим собою
Вздыхал, тоскуя по отцу.

И тайной наполнялась снова
Душа, от памяти тепла...
Мать не нашла себе другого —
Мать моего отца ждала.

Ждала,
Ждала от срока к сроку,
Ждала, пока был ясен взор.
Ждала, хоть было одиноко,
Ждала, другим наперекор.

Ждала голодной и уставшей
И верила из года в год:
Вернется без вести пропавший,
Чуть-чуть попозже, но придет.

Долг верности исполнив свято,
Мать так смотрела на семью:
Жене солдата ждать солдата,
Храня очаг и честь свою!

В дорогу вглядываться немо,
Надеяться день ото дня...
Недолго мать жила — и небо
Однажды пало на меня.

С отцом ли, с матерью ли лучше?
Настала для меня пора
Стыть одному — ростком над кручей...
Вот тут-то и спасла домбра.

Впервые струны зазвучали —
Открыл я тайну им сполна.
Тоска — была не для меня ли
Самоучителем она?

Домбра!
Ты отзывалась чисто,
Ты свет сулила впереди.
Тебя я, словно друга жизни,
Все чаще прижимал к груди.

Ты в сердце пробуждала силы,
Как будто ранние цветы.
Ты и во сне меня учила
Не отступать от правоты.

Словами передать едва ли,
Как, вдохновенья не гася,
Мы вместе пели и мечтали,
Сливая в дружбе голоса

Взлетает песня к поднебесью,
Чтоб тайна родилась в тиши?
Иль может, это тайна песню
Рождает в глубине души?

Как разгадать?
Но сердцем юным
Я откровенен был с тобой
И чутко ударял по струнам —
То по одной, то по другой.

И противостоял кручине.
Ты для меня, скажу тебе,
Была подругою, святыней,
Помощницей в крутой судьбе.

В дому ты на почетном месте,
Как то наследство, что в цене:

Ведь это мама честь по чести
Тебя препоручила мне.

Ведь лишь возьму тебя я в руки,
Как памяти мне не унять
И кажется — перед разлукой
Опять в глаза мне смотрит мать.

За плечи обнимает нежно
И гладит по лицу меня.
И в лоб нахмуренный,
Как прежде,
Целует ласково меня.

И вновь за шуткою известной
Скрывает грусть и торжество:
— А в щеку уж пускай невеста
Целует сына моего!

Она согреть меня готова
Напутствием на все года:
— Будь счастлив, мальчик мой! —
И снова
Вздыхает тяжело, как тогда...

Да, словно бы порой иною,
Живую маму вижу я.
Звенит настроенная мною,
Домбра волшебная моя!

И душу покидают тучи,
И веселее смотришь вдаль.
И сам напев взлетает круче,
Вбирая радость и печаль.

О, поколений связь прямая!
Домбре все чутче, все живей
Мои и сын, и дочь внимают,
Как будто бабушка своей.

Жена ей внемлет не в первые,
Забыв о мчащихся часах.
И звезды чистые, степные
Сверкают у нее в глазах.

Напев становится судьбою.
И нет гармонии конца,
Когда созвучны меж собою
Те две струны и все сердца.

Домбра поет, зовет и учит.
Как радость с самого утра,
Взлетай, напев, все круче, круче!
Звучи, звучи, моя домбра!

В тебе — и мамины печали,
В тебе — не почтой, а само
Идущее из дальней дали
Солдата смятое письмо.

Ума и сердца притяженье,
Источник света и добра,
Дыханья и воображенья —
В тебе, в тебе, моя домбра!

Ничто не пролетело мимо:
И верность собственной судьбе,
И верность женщине любимой
В тебе, домбра моя, в тебе.

Куда мне от сравнений деться,
Коль знаю я наверняка.
В тебе — родник былого детства
И шумной юности река.

До срока, до поры, до часу
В себе, в себе смешала ты
Отца негромкие наказания
И предков давние мечты.

С тобой я счастлив и в невзгодах.
В звучанье струн я узнаю
Своих друзей, крутые годы,
Отчизну светлую свою.

3. СЧАСТЛИВЫЙ ЛАД

Что мне сто возов добра,
Все добро — моя домбра!

Ильяс Джансугуров

Кружи, напев, в своем обилье
И за собою вдаль мани,
Чтоб я и сам, расправив крылья,
Помчался в будущие дни.

Помчался и в себе удачу
Над нашим временем понес:
Моей домбры настрой горячий
Не для тоски и не для слез.

Моя дорога — только к свету,
Я не зажат в теснинах скал.

Летишь тогда,
Когда в себе ты
Высокий чувствуешь накал.

Я не от тихих, не от сонных
И не от робких нрав веду.
В ладу я с азиатским солнцем —
И с сердцем дружеским в ладу.

Меня ни бури не сломили
И ни преграды на пути.
Сарыаркинец — смог я силы
В своих страданиях обрести.

Во мне смешались в наши годы,
Которым с детства я открыт,
Напев — с гудками медьзавода,
Гул шахты — с топотом копыт.

Домбра!
Ты в струнных переборах
О том поведай наяву,
Как я в студенческую пору
Попал в большой аул Москву.

Я верю, всем надеждам сбыться,
Коль четко голос твой звучит.
Своим джигитом для столицы
Стал некогда степной джигит.

Поныне я в делах и в думах
Все Красной площадью иду —
Дома ли строю в Каракумах,
Даю ли на-гора руду.

Меня в шахтеры, твердо знаю,
Манили недра неспроста.
В поэзию влекла —
Над краем
Небес казахских чистота.

Меня народ растил как сына.
Той памятью освещены,
Стихи горняцкого акына
Во всем ему посвящены.

Давай, домбра моя, увяжем
В одно: и отсветы грозы,
И неразлучность пар лебяжьих,
И жизнь кюйши Курмангазы¹.

Пусть прозвучат в твоих рассказах
И золотой степной июль,
И смех девчонок черноглазых,
И голос нашей Бибигуль.

Что там? Мираж?
Или влюбленно
Пленяясь зримой красотой,
Душа стремится окрыленно
Вслед за сайгою золотой?

Домбра моя!
Не ты ль мне в руки
Далась как песенный кумир!

¹ Курмангазы — казахский композитор прошлого века.

Пусть силу набирают звуки,
Пусть зачаровывают мир!

Весь мир, который так огромен.
Я знаю, окликают свет
Тобой и Моцарт, и Бетховен,
И наш бессмертный Таттимбет.

Язык домбры звучаньем сущего
И вседоступностью велик.
Язык домбры — язык грядущего
И дней сегодняшних язык.

Сам Байконур с ветрами вольными
Шлет миру песенный привет.
Сейчас казахские симфонии
Полны стремительностью лет.

Да, в струнах воскресают даты,
А в датах мужество живет,
И память о былых утратах,
И радость нынешних высот.

В них грезам матерей спокойно,
В них труд и счастье степняка.
В них вещее проклятье войнам
И гимн дороге сквозь века.

В них сведены особой силой
И то, чем мой народ богат,
И тот огонь,

Что над могилой,
Где Неизвестный спит солдат.

О, струны!
В их согласном пенье
И первенец наш все слышней,
И материнское волненье
Жены моей — любви моей.

В них чувства бьются стоголоса,
Как в пору юношеских дней.
В них — та казахская береза
И первый поцелуй под ней.

Струна роднится со струною.
Ах, струны!
Песнями маня,
Звучать им вечно надо мною
И трижды вечно — без меня...

А чувства светлые готовы
Лететь за дальнюю черту.
Домбра моя!
Меня ты снова
Зовешь вперед и в высоту.

А звуки льются увлеченно.
А звуки в смутной тишине
С Чолпан ¹ пошепчутся о чем-то
И перескажут это мне.

¹ Чолпан — утренняя звезда Венера.

И моего стиха свобода
В том, что другим нужна она.
Домбра моя!
Ты год за годом
Все́й нашей Родине слышна.

ОРЛИНАЯ ВЫСОТА

I

Просторны степи за Кенгир-рекою,
здесь даже лани трудно скрыться с глаз.
Лишь ты своею властною рукою
здесь правишь и царишь, Керегетас ¹.

Кудрявятся лозою виноградной
у твоего подножия ручьи,
звучит их говор песенкой отрадной
и в солнечные падает лучи

В чилике ² чирик распекает звонко,
пряят торгаи ³ в выси голубой,
целуются... Как мы, когда девчонкой
была ты, и пленен я был тобой.

¹ Керегетас — название горы.

² Чилик — кустарник ракиты.

³ Торгаи — полевые птички.

Оазис небольшой в степи унылой,
цветов клубятся кущи тут и там...
И тянется душа к далекой, милой
поре, как в миг любви — уста к устам.

Краса такая путнику в пустыне —
бесценный дар, святая благодать!
И слово на губах от счастья стынет,
и нечем этой красоте воздать.

Камыш поет и в танце ива гнется —
в живой и упоительной игре,
и музыка природы нежно льется, —
но это все не нравится горе.

Она — как разъяренная тигрица
с горбатой полосатою спиной,
и к ней как будто приросла царь-птица,
дозорный этих мест, орел степной.

Стан белоплечий словно солнцем выжжен,
борцовский, неподвижный до поры.
Волшебным талисманом птица — вижу —
блестит зазывно на груди горы.

А под горой — раздолье травам пьяным,
степной простор, где только видит глаз.
Схож со скелетом юрты деревянным,
коль издали глядеть, Керегетас.

Вдали от сел, от города неблизко,
спокойна, величава и мудра,
подобием большого обелиска —
степной маяк — возносится гора.

Еще она и все ее отроги,
приветливый ее, манящий лик
напоминает дом, что у дороги
внезапно перед путником возник.

Волнует степь дыханием полыни.
Лениво птица с места поднялась,
взмахнув крылами, но к небесной сини
припала вся, ее почуяв власть.

Бесстрашно по камням отвесным, шатким
карабкается сын мой к вышине.
Но вот достиг он каменной площадки
и удивился, показалось мне.

Его догнать пытаюсь, но — куда там!
Всему есть свой черед и свой предел...
Я сбоку по тропиночкам покатым
приблизился и все же разглядел:

как ребяенок в ворохе пеленок,
еще небесной высью не влеком,
в гнезде орла лежит живой орленок
пушистеньким и желтеньким цветком.

Гол, неуклюж, смешны его движенья,
малыш с неоперенною душой.
Глаза глядят на мир без выраженья.
Большая голова и клюв большой.

Прекрасен этот миг внезапной встречи!
Как странно здесь, на высоте света
судьба тебя, ребенок человеческий,
тебя, мой мальчик, и дитя орла!

Но что во взгляде моего ребенка
меня не может не насторожить?
Он хочет из гнезда забрать орленка
и просит взглядом это разрешить.

Мне в голову сравнение прямое
приходит тут же... Что, как быть беде:
вот возвращусь откуда-то домой я,
а сына нет в его родном гнезде?

Нет, сын мой, разорителем не будешь
ты гнезд чужих, дом помня отчий свой
со всем, что никогда ты не забудешь...
И молча покачал я головой.

Уйди, не причиняй живому боли,
не стань кому-то карой и бедой,
ведь даже песня есть, как был в неволе
вскормлен орел печальный молодой

Все объяснить, все рассказать непросто.
Когда я, обездоленный войной,
вновь вспоминаю про свое сиротство,
звучит в ушах «ручной», как «не родной».

Так было, так случилось, так бывает...
Все помнят дни мои, вперед летя.
Не от хорошей жизни отрывает
мать от себя любимое дитя.

Пусть та пора сквозь толщу лет — минута,
и жив я не минутой давней той,
но больно до сих пор сказать кому-то,
что «не родным» ты вырос, сиротой.

Будь проклят каждый, кто дитя обидел,
навек ему позор, как палачу!
Людских сирот я столько в жизни видел,
что даже птичьих видеть не хочу.

И сыну-пятикласснику твержу я,
своей тревоги взрослой не тая:
— Сынок, не погуби звезду чужую,
чтоб вдруг не закатилась и твоя!

Твоя звезда — в другом гнезде, сыночек,
и ты ее — поверь словам отца —
отыщешь среди долгих дней и ночек
и жизнь, и страсть отдашь ей до конца.

Орленок — твой товарищ, хоть и птица,
такой же он ребенок, как и ты.
Пусть горя не узнает мать-орлица,
пусть дарит сыну чудо высоты.

Пусть вас обоих счастьем настоящим
одарит жизнь, детей своих любя.
Когда его я в небесах парящим
увиджу, буду рад, как за тебя!

И вы, в своей летая каждый стае,
друг другу все же будете нужны.
Смысл жизни — в дружбе, в крепкой, верной
спайке.

Орлы орлов всегда беречь должны.

Орлы всех беззащитных охраняют,
сильны, горды, безудержно смелы.
Орлы, сынок, друг друга не пленяют,
друг друга поддержать спешат орлы!..

II

В то утро, помню, рано-рано
попали мы в один аул.
Беседа шла за дастарханом,
и радость в нас кумыс вдохнул.

И мы, и те, кто были с нами,
о космонавтах речь вели,
о Джезказгане, о Вьетнаме,
потом к футболу перешли.

Я о гнезде с орленком вспомнил
в чертогах горной высоты,
и с полуслова каждый понял
меня в ауле Теректы.

И тут же спор пошел с разбегу,
для дружеских безвредных уз:
один сказал, что это — беркут,
другой решил, что — каракус¹.

Старик, чуть во хмелю по виду,
вдохнул: «Уж если от души,
скажу — казахам не в обиду —
забыли мы про беркутши!»²

Охотник с беркутом, бывало,
я это подтвердить могу,
добычи приносил немало:
гусей, лисицу и сайгу.

¹ К а р а к у с — коршун.

² Б е р к у т ш и — охотник с беркутом.

Кто до седин почтенных дожил,
тот знает все, чем жизнь мила...
Коль ты — казах степной, то должен
желать в неволе взять орла.

Про это знают наши степи
и каждый, кому домом — степь...
Того, кто создан был для цепи,
и надо посадить на цепь.

Неужто размышлять мы станем,
гадать и думать, как тут быть?
А ну, аулом всем нагрянем,
чтоб птицу гордую добыть!

Свои обычаи степные
забыть посмеет кто из вас?
А ну, друзья, а ну, родные,
за мною, все в Керегетас!..

Старик закончил, ждет ответа,
и, хоть, похоже, был он пьян,
своей горячей речью этой
сумел задеть одноульчан.

Тут аксакал другой, лукаво
взглянув, заводит тоже речь,
как старший, что имеет право
всех остальных предостеречь.

А борода его волниста,
бела, и бывшие усы
отсвечивают серебристо,
похож он на Курмангазы.

Хоть прожил он уже немало,
румянцем — молодой джигит.
На боевого аксакала
глядит и вот что говорит:

— Оставь-ка, друг, свои забавы,
не сей так резво семя зла.
Ведь для пустой, хоть громкой славы
сел на коня ты без седла!

Да, речь твоя людей смутила,
ты что-то им внушить сумел,
да только не припомню, милый,
когда ты беркута имел?

Где жалость, о живом забота?
Где твое сердце, мне ответь?
Я знаю, в чем твоя охота:
подвыпив, ни о чем шуметь.

Юнцов учить — твое ли дело?
Ведь осмеют, и — поделом.
Не лезь в орлы в свой возраст зрелый,
коль не был смолоду орлом!

Тебе не выпало на долю
то, что как раз в моей судьбе:
поймать орла и взять в неволю,
вскормить и подчинить себе.

Ты в болтовне являл отвагу,
и праздной жизнь твоя была

в то время, как снимал томагу¹
я с глаз покорного орла.

И нечего на правду злиться,
моей не видеть правоты.
Чтоб сына воспитать, орлице
не нужен чаумень², как ты!

Пускай орленка не тревожит
ничто на жизненном пути.
Орел, как человек, не может,
не должен сиротой расти.

Верблюды дурной, бывало, вскочит,
заскачет, — к джуту³, говорят.
И урожайный год пророчат,
коль в небесах орлы парят.

Приметам этим справедливым
веками доверял народ.
Да, если будет год дождливым,
орленок тучи разметет!

Как душу чабана он тронет,
кружа приветливо над ним!
И серого врага прогонит
одним явлением своим.

Давно не возраст, на поверку,
а дело ценится, старик.

¹ Томага — кожаный колпачок, закрывающий глаза орла.

² Чаумень — самец-орел. Обычно они бывают слабее самок.

³ Джут — гололед.

Сидел бы дома ты, как беркут —
впеленут беркутши в бесик!¹

Что ж, соколиная охота
доныне неплоха, как спорт.
Да не твоя она забота!
Работа любит честный пот.

Но и другим скажу по праву
своей столетней седины:
они неумную забаву
с птенцом орла забыть должны.

Примета есть: коль угнездится
в горах орел на много лет,
возможно, гений народится,
какого и не видел свет.

Орел — вестям предвестник лучшим.
В гнезде орленок, тишина, —
и вот увидите, получим
мы миллиард пудов зерна!

Крылатый друг отар и пашен,
орел прекрасен и могуч.
Он в думах мудр, в делах бесстрашен.
Он к нам пригонит стаи туч

в год засухи, и дождь прольется,
чтоб цвел и цвел аул родной,
и, в Джезказган стремясь,
пробьется
Иртыш к нам струйкой хоть одной.

¹ Бесик — люлька для пеленания беркутов при дальних перевозках.

Все степи, горы и долины
орлиных зов поймут высот.
И космонавтам год орлиный,
я верю, счастье принесет.

Свой Байконур покинет вскоре
птенец, взмыв в бездну синевы...
Орлы, и в радости, и в горе
друг друга берегите вы!

III

Умолк старик. И мысли вспять
пошли, и детство я припомнил,
увидел я отца и мать
и цену жизни больше понял.

Заполонило все вокруг
слов вдохновенных наважденье,
и мне так ясно, ярко вдруг
представилось орлов рожденье.

И, по-особенному нов,
связуя нити всех событий,
открылся смысл глубокий слов:
«Орлы, друг друга берегите!»

Не только лишь своей семье,
что в мирном мире быть должно бы,
орлы, нужны вы всей земле,
где столько бед еще и злобы.

Орел — как воин на часах,
он сторожит красу земную.
Орлы, парите в небесах,
чтоб землю защитить родную!

Чтоб травка каждая росла
и зеленела так, как нужно,
чтоб ласточка гнездо вила
под доброй крышею конюшни...

Так думал я и так искал
в простом бессмертного крупницы.
И тут сказал мне аксакал:
«Любовь особенная — птицы.

Мы любим их, мы им под стать
желаем стать, пока не поздно,
хотим не ползать, а летать,
летать — вот счастье! — а не ползать.

Ты прав, поэт, могла беда
стрястись непрошенная ныне,
но у орлиного гнезда
ты о своем подумал сыне.

Предотвратил несчастье ты,
и этот вывод всем нам ясен.
Тот, кто не знает доброты,
тот и для Родины опасен.

Пусть будет он, в ком злость жива,
наказан справедливым гневом!
Я эти произнес слова —
как пашут поле перед севом.

Дыши орлиной высотой,
к ней устремляя крылья-руки!
А не достигнешь выси той —
достигнут дети или внуки.

Дни суетою не дроби,
как мелкие смешные пташки,
будь благороден, но руби,
коль рубишь, с лету, без промашки.

На ветер слова не бросай —
и не трепли его без меры.
Поэтам люди верят, знай!
Не потеряй же этой веры.

Не позавидуй никому,
а если другу будет туго,
лети на выручку ему,
орлом считающему друга.

Не горделива, а горда,
непобедимо, неизменно
душа орлиная всегда
восторженна и вдохновенна...»

Так речь старейшего текла —
рекою мудрости бездонной,
и сам похож был на орла
он, временем не побежденный.

Отец мне — каждый аксакал.
Нам старики необходимы.
Я с ними сеял и пахал
в войну и верил: победим мы.

Как будто было все вчера,
отчетливо перед глазами —
те на покосе вечера,
что, старики, провел я с вами.

Вы убеждали всех: уже
близка желанная победа!
И страха не было в душе.
И сон баюкал сказкой деда.

Да, пусть — седая борода,
моложе старцев мы едва ли...
Не председатели тогда,
они аулом управляли!

В бригаду женскую не шли
мальчишки, место их — в бригаде
лишь с аксакалами! Могли
все сделать этой чести ради.

Там скромной похвала была,
как бы едва души касалась,
и все же эта похвала
наградой высшею казалась.

И — можно мать мою понять —
тот отзыв, хоть скупой, но меткий,
так пересказывала мать,
чтоб услышала дочь соседки.

Когда аулу своему
вниманья уделяю мало,
стремясь из города к нему,
боюсь я гнева аксакалов.

А похвалам их счастливы я.
Орлы могучие степные,
вы мне — и деды, и друзья,
я вас люблю, мои родные!

IV

Пора приходит в город возвращаться.
Ковыльной той же, что и в прошлый раз,
дорогой едем мы, и попрощаться
ты с нами не спешишь, Керегетас.

Степь бесконечна, все, как на ладони,
вокруг, прекрасна песня тишины,
гора, отодвигаясь, в дымке тонет,
а трубы заводские не видны.

Вдруг «стойте!» крикнул сын. Рукою машет,
как будто просит каждого: взгляни! —
как будто что-то нам сейчас покажет
в густой и темной облачной тени.

Затормозив, остановилась «Волга»,
видать, шофера убедил сынок,
машину пылью обдало, и долго
ее мотор откашляться не мог.

Куда вы, тени облаков, плывете?
Что видит сын? Не этот ли смешной
утес, похожий на орла в полете? —
так растянул его мираж степной...

Струятся тени облачные, тают
и кажутся то степью, то рекой...
А там, повыше, два орла летают:
один с ладонь и с пуговку другой.

Короткое мгновенье это длится,
но, память, ты его нам сохрани!
Взметнулась, приобняв птенца, орлица,
и в вышине растаяли они.

Птенец полета постигал искусство
и обретал над высотой власть...
На горизонте сразу стало пусто —
как будто песня вдруг оборвалась.

Мы смотрим в небо пристально и жадно,
мы их полет следим издалека,
и вот опять, как мячик и ушанка,
из облака возникли два комка.

Летит орленок тяжело и ломко,
когда же безнадежно вниз идет,
орлица ловит крыльями орленка
и за собою в высоту ведет.

И вдруг открылась истина простая,
закон орлиной маленькой семьи:
а ведь она сама его бросает
и ловит прямо около земли.

Крутой вираж — и вновь бросок опасный,
и нет игре безжалостной конца.
Но это труд, как видно, не напрасный:
умения все больше у птенца.

Летят — меньшей и старшая. Сравни же:
чтобы птенец на резком выраже
не растерялся, мать летит пониже,
хоть все умеет сын ее уже.

Уже в ее движеньях нет испуга
пред тем, чем высота грозить могла,
и видит горы, степь и вся округа —
не мать с птенцом летят, а два орла.

И, завершив ответственную трассу,
закончив трудный и счастливый путь,
приблизились они к Керегетасу.
Там их гнездо, там можно отдохнуть.

В последний раз, как бы прощаясь с нами,
испытывая сына под конец,
орлица с ним меняется местами,
взмывает в небо, а за ней — птенец.

От скал родных, где тишина и нега,
летит орлица, как в последний бой,
летит, крылами встряхивая небо,
и сына увлекает за собой.

Мы видим, что орлица чуть устала
в боренье с неприступностью высот,
и что на солнце золотисто-ало
сверкает и стекает с крыльев пот.

И всем на краткий миг открыто взглядам:
тот пот не долетает до земли,
парит он ожерельем с нею рядом
и тает где-то в облаках, вдали.

И с самой-самой высоты орлиной,
как бы порвав связующую нить,
бросает мать без сожаленья сына,
чтобы уже его не подхватить.

И два полета врозь теперь вершатся.
И ветер злее бьет орлице в грудь,
и трудно в равновесье удержаться:
единственного проводила в путь!

Чем больше любишь, тем душа ранимей...
Глядим с волнением, как орлы летят.
Все больше расстояние между ними.
Но замечает изумленно взгляд:

чем дальше мать, тем сын ее спокойней,
тем триумфально-радостней полет,
и взмах его крыла все непокорней, —
его разлука с прошлым не гнетет.

Был мир — всего с гнездо, а стал безмерен.
Орленок не боится ничего.
Силен, и зорек, и в себе уверен.
Орлом уже пора назвать его.

Окончились и сны, и сказки детства,
и даже если очень захотеть —
в былое по-орлиному взглядеться,
гнездо родное трудно разглядеть.

Летит один к высотам, к жизни новой
свободный, гордый, молодой орел.
И я невольно вспомнил день суровый,
когда отец мой на войну ушел...

А стель крылами осеняет вечер,
и кажется, что крылья те — не мгла,
а два крыла орлицы белоплечей
и молодца-орленка два крыла.

Судьба за все с живых взимает плату,
и часто приговор ее жесток...
На запад улетаёт мать, к закату,
а сын летит к рассвету, на восток.

Для всех, кто видит это, — откровенье,
но трудно верить, трудно понимать
до самого последнего мгновенья:
не повернется, не вернется мать.

Да, не вернулась. И со всех силенок, —
мать, верно и мечтала о таком! —
путь к Байконуру держит сын-орленок,
как будто жаждой подвига влеком.

Он движется по небу без опаски,
он там давно освоился вполне.
Мне показалось, он — джигит из сказки,
что скачет к милой на лихом коне.

Мне и другое совершенно ясно:
не надо горевать, что мать не с ним.
Все будет в жизни у него прекрасно:
он чистым небом Родины храним!

К орлу в полете не подходит жалость.
Орла с рожденья манит высота.
В его душе еще в гнезде рождалась
орлиная крылатая мечта.

Орлу не подойдет судьба любая,
орла зовут лишь подвиги всегда.
Пусть вспомнит, кто забыл, слова Абая,
что молодость никчемная — беда.

Летит орленок. Я его ревную
к далеким звездам и к путям светил.
К нему я ощутил любовь земную,
и веру, и надежду ощутил.

Там, в небе, нелегка его забота.
Дождей обвал и ураганов шквал...
Я верю, он открыть сумеет что-то,
что до него никто не открывал.

Орлиной жизни он продолжит главы,
отвагой к новым высям вознесен.
Но не для славы и не для забавы
штурмует высоту бесстрашно он.

Желаю я ему добра и волн,
желаю, чтобы счастье он обрел.
А в сердце радость с капелькою боли...
Мой сын, ты видишь: родился орел!

Ты понял, сын, что быть орлом — непросто?
Лишь смелых ждут великие дела.
Орлиного достичь сумеешь роста
своей душой — крылатою в орла?

Орленка ищешь взглядом в небе: где он?
В какой предел легли его пути?..
Мой сын, ты первый шаг к полету сделал.
Найди свой путь и крылья обрети!

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

«Как не гордиться мне судьбою...». Перевод В. Савельева	4
Космонавты и шахтеры. Перевод В. Савельева	5
Белые журавли. Перевод В. Савельева	5
Горизонт 251-й. Перевод В. Савельева	6
Истина. Перевод В. Савельева	7
Ветряная мельница. Перевод В. Савельева	8
«Разлуки, горести, тревоги...». Перевод В. Савельева	10
«Считать ли двойственностью это?..». Перевод В. Савельева	11
«Не тоскуй...». Перевод В. Савельева	11
«Навек своей весной согретый...». Перевод В. Савельева	12
Восьмистишие. Перевод В. Савельева	13
«Как будто вечность стерегу я...». Перевод В. Савельева	13
«Наше яблоко...». Перевод В. Савельева	14
Законы степей. Перевод В. Савельева	14
Абаю. Перевод В. Савельева	15
Гора Окжетпес. Перевод В. Савельева	16
Ленинград. Перевод В. Савельева	17
В Будапеште. Перевод В. Савельева	19
Жусангуль. Перевод В. Савельева	21
В родном ауле. Перевод В. Туркина	22
«В траву степную легкий след впечатал...». Перевод В. Туркина	25
«Я — за весомость слова...». Перевод В. Туркина	26
«Теплом весны повеяло-подуло...». Перевод В. Туркина	26
«Не шевельнусь, хотя глаза открыты...». Перевод В. Туркина	27
Парадокс. Перевод В. Туркина	27
«Не тронь мелодии родные...». Перевод В. Туркина	28
«Улетела лебедь белая в далекие края...». Перевод В. Туркина	29
«Извечно к солнцу тянется подсолнух...». Перевод В. Туркина	30
Ранняя сирень. Перевод Т. Кузовлевой	30
Устная байга. Перевод Т. Кузовлевой	31
Новому году. Перевод Т. Кузовлевой	32
«Апрель, на пороге апрель...». Перевод Т. Кузовлевой	33
Есть хлеб. Перевод В. Савельева	33
Ответ чабана. Перевод В. Савельева	35
Терриконы. Перевод В. Савельева	37
Сыну. Перевод В. Савельева	38
Ода шахте. Перевод В. Савельева	38
Праздничная песня. Перевод В. Савельева	39

Благодарность Ауэзову. Перевод В. Савельева	41
Разговор с земляком. Перевод В. Савельева	42
Джезказган. Перевод В. Савельева	43
Ленин и Некрасов. Перевод В. Савельева	45
На зимней Волге. Перевод В. Савельева	46
В Ульяновске. Перевод В. Савельева	47
Пушкину. Перевод В. Савельева	48
«Подчас земля обойдена дождями...». Перевод В. Савельева	49
Под Ульяновском. Перевод В. Савельева	50
«Вокруг улыбок было много...». Перевод В. Савельева	50
«Нельзя встряхнуть, что одеяло, право». Перевод В. Савельева	51
Топот коней. Перевод Т. Кузовлевой.	52
«Нельзя чтоб сердце горечь жгла...». Перевод Т. Кузовлевой	53
«Не зову я весенние дни...». Перевод Т. Кузовлевой	53
Озеро Алакуль. Перевод Т. Кузовлевой	54
Печалюсь я... Перевод Т. Кузовлевой	55
Когда приходят стихи. Перевод Т. Кузовлевой	55
Свет души. Перевод Т. Кузовлевой	56
Горняцкая баллада. Перевод В. Савельева	57

ПОЭМЫ

Эдельвейс. Перевод Т. Кузовлевой	70
Домбра. Перевод В. Савельева	83
Орлиная высота. Перевод Р. Казаковой	99

Какимбек Салыкович Салыков

ДОБРЫЕ ДНИ

М., «Советский писатель», 1981, 120 стр. План выпуска 1981 г. № 369
 Редактор Н. Ф. Шумаков. Худож. редактор Д. С. Мухин
 Техн. редактор Л. Н. Жилина. Корректор С. И. Крягина

ИБ № 2833

Сдано в набор 12.03.81. Подписано к печати 15.07.81. А00131. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 3,75. Уч.-изд. л. 4,44. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4228. Цена 50 коп. Издательство «Советский писатель», 121063, Москва, ул. Воровского, 11. Типография издательства «Коммунист», 410002, г. Саратов, ул. Волжская, 28.